

О ТУШЕМЛИНСКОЙ КУЛЬТУРЕ IV–VII ВЕКОВ В ВЕРХНЕМ ПОДНЕПРОВЬЕ И ПОДВИНЬЕ (к вопросу этнической атрибуции)

ЕВГЕНИЙ АЛЬФРЕДОВИЧ ШМИДТ

Специальное изучение памятников археологии IV–VII в.в. н.э. в Смоленском Поднепровье и на смежных территориях Подвинья началось в середине 1950-х г. Верхнеднепровским отрядом Славянской экспедиции Института истории материальной культуры Академии наук СССР под руководством П.Н. Третьякова. В результате уже первых лет исследований были выявлены весьма своеобразные укрепленные поселения – убежища третьей четверти I тыс. н.э. и получены комплексы вещей этого времени. Поскольку на ряде убежищ были еще сооружения особых святилищ, П.Н. Третьяков назвал их городищами-святилищами тушемлинского типа по первому наиболее изученному объекту (Третьяков, 1958, с. 170–186). Время их существования и гибель в огне пожаров определены VI–VII в.в. н.э. и высказана точка зрения о их восточнобалтской этнической принадлежности (Третьяков, 1958, с. 170). В дальнейшем было установлено, что часть убежищ не включала святилищ, и они были простыми городищами-убежищами. Основными же поселениями того времени являлись неукрепленные поселки – селища (Устье, Слобода-Глушица и др.).

Подводя итоги изучению древностей I тыс. н.э. в Смоленском Поднепровье, П.Н. Третьяков приходит к выводу: “В рамках конца VII–VIII в.в. над обитателями этого края нависла серьезная опасность. Повсюду стали сооружаться многочисленные городища-убежища... В конце I тысячелетия н.э. все эти городища-убежища погибли от пожара... Гибель городищ-убежищ, по нашему мнению, следует поставить в прямую связь с появлением в области Смоленского Поднепровья многочисленного нового, вероятно, кривичского населения...” (Третьяков, 1963, с. 41). Таким образом, после окончания раскопок и изучения древностей верховьев Днепра в 1963 году П.Н. Третьяков считал, что до VIII в. в период существования тушемлинской культуры местные племена были балтами, а расселение славян-кривичей

среди балтского населения приходится на период конца VII–VIII в.в. и с этого момента начался процесс ассимиляции балтов славянами, длившийся до периода Древней Руси. Эти положения конкретизированы в другой работе П.Н. Третьякова 1963 года, где указано: “...процесс ассимиляции восточных балтов был весьма длительным, он завершился лишь в условиях Древней Руси” (Третьяков, 1963а, с. 29). Однако в последующих работах П.Н. Третьяков меняет свою точку зрения о времени заселения славянами Смоленского Поднепровья и полагает, что проникновение славян на эти территории началось значительно раньше и фиксируется на материалах таких памятников как городища Лахтеевское и Демидовка и могильник у дер. Акатово, относя их “к славянской или смешанной балто-славянской культуре” (Третьяков, 1966, с. 270, 278). Он также полагал, что в середине и второй половине I тысячелетия н.э. “целостность территории верхнеднепровских балтов повсеместно была нарушена. В третьей четверти I тыс. н.э. балтийское население в северных областях Верхнего Поднепровья сохранялось в виде отдельных, в большинстве случаев изолированных друг от друга “островов” (Третьяков, 1966, с. 280). Это же, по несколько в иной форме, было подтверждено им в работе, вышедшей в свет в 1970 году, где говорится: “В области Верхнего Поднепровья известно немало и таких археологических памятников – городищ, поселений и могильников середины и второй половины I тыс. н.э., этническое определение которых не представляется возможным. Они сочетают в себе славянские и балтийские элементы, являются убедительными свидетельствами процессов, приведших в конце концов к ассимиляции днепровских балтов более сильными и передовыми группировками славянскими” (Третьяков, 1970, с. 63–64). В качестве примеров приведены те же городища Лахтеево, Демидовка и могильник

Акатово. Положение о невозможности точно определить границы расселения славян и балтов в северной части Верхнего Поднепровья в середине и третьей четверти I тыс. н.э. высказал П.Н. Третьяков и в последней своей работе (Третьяков, 1982, с. 91).

Таким образом, если суммировать все написанное П.Н. Третьяковым по вопросу об этнической принадлежности населения середины и третьей четверти I тыс. н.э. в верховьях Днепра и на смежных территориях, т.е. на основных пространствах распространения тушемлинской культуры, то складывается сложная картина расселения среди восточнобалтского населения, имевшего свою самобытную культуру, выявленную на ряде памятников (Тушемля, Городок, Прудки, Устье и др.), славянских племен с их поселениями (Лахтеево, Демидовка и др.), материальная культура которых лишь незначительно отличается от балтской. С этого времени начинается процесс ассимиляции славянами балтов и соответственно территория расселения последних сокращается до небольших "островов", а местами славяне и балты жили уже чересполосно и даже образуя смешанные поселения, включавшие балтов и славян. Собственно балтская тушемлинская культура в рассматриваемое время была присуща только части населения Смоленского Поднепровья и Подвинья. Нужно отметить, что некоторые положения высказанные П.Н. Третьяковым, можно рассматривать только как гипотезы, поскольку полного обоснования им или развернутой системы доказательств в его работах не приведено.

В целом точку зрения П.Н. Третьякова о том, что восточнобалтские племена в середине I тыс. н.э. еще заселяли северную часть Верхнего Поднепровья и смежные области Повинья разделяли и другие исследователи. Так А.Г. Митрофанов, изучавший древности IV–VII вв. на территории Белоруссии в пределах бассейна Зап. Двины и бассейна правобережного Днепра, после раскопок селищ "Замковая гора", Городище и Некасецк, относящихся к VI–VIII вв. н.э. в 1960-х годах высказал предположение: "...если признать, что эта культура является восточнобалтской, то нельзя, вместе с тем, отрицать и очевидный факт, что ее носители находились под большим влиянием славян" (Митрофанов, 1966, с. 233). Основанием для такого предположения служили обнаруженные во время раскопок некоторые особенности жилых построек в виде наземных деревянных домов столбовой конструкции, четырехугольных в плане, частично врезанных в материк на склонах, имевших в одном из углов печь-каменку. Кроме того, керамический комп-

лекс, обычный для памятников тушемлинско-банцеровской культуры, обнаруженный в культурном слое некоторых вышеупомянутых памятников, содержал фрагменты сосудов иных форм с более профилированной верхней частью сосудов. В целом, по его мнению: "В период VI–VIII вв. на территорию Белоруссии проникали славянские племена, постепенно ассимилируя балтоязычное население... Вероятно, на территории центральных и северных районов Белоруссии во второй половине I тысячелетия обитало смешанное население балтов и славян" (Очерки по археологии Белоруссии, ч. 1, 1970, с. 254). В последующих работах А.Г. Митрофаной еще более удревняет время начала проникновения южных групп племен на север и северо-восток, перенеся эти передвижения, как и ассимиляцию местных восточнобалтских племен, на период III–IV вв. н.э. В область этих ассимиляционных процессов он включил: восточную половину территории племен штрихованной керамики в Поднепровье, а также отдельные районы территории племен днепро-двинской культуры в Поднепровье и Подвинье (Митрофанов, 1972, с. 154–155). Достаточного обоснования такой точке зрения приведено не было. В дальнейшем, во второй половине 1970-х г., в большой монографической работе о железном веке средней Белоруссии А.Г. Митрофанов отходит от своих, высказанных ранее взглядов на этническую принадлежность памятников типа Тушемля – Банцеровщина середины и третьей четверти I тыс. н.э. Он пишет: "Если исходить из чисто археологического материала, то с уверенностью можно утверждать, что памятники банцеровско-тушемлинской культуры в пределах всего ареала принадлежат балтоязычным племенам" (Митрофанов, 1978, с. 123). Он не поддерживает концепцию П.Н. Третьякова, высказанную в конце 1970-х – начале 1980-х г., а присоединяется к мнению И.П. Русановой и считает, что все население Верхнего Поднепровья, включая его северные и южные области, а также верховья Немана и среднее и верхнее течение Зап. Двины, имело весьма близкую материальную культуру и было этнически родственными, т.е. восточнобалтским (Митрофанов, 1978, с. 122–123).

В.В. Седов в результате анализа древностей Верхнего Поднепровья второй половины I тысячелетия н.э. в 1970 году приводит к выводу, что – памятники и самых северных областей Поднепровья типа Тушемля принадлежали восточным балтам и что в это время балты занимали не только смоленское течение Днепра, но и все Верхнее Поднепровье до устья р. Припяти и нижнего течения р. Десны. Эту точку зрения он обосно-

вываает не только археологическими материалами, но и данными изучения топонимики (Седов, 1970, с. 44–53). Рассматривая вопрос о зарубинецких племенах в Поднепровье и их влиянии на так называемые поздnezарубинецкие племена II–V вв. н.э. В.В. Седов указывает, что зарубинецкое население, проникая в более северные области Поднепровья, не изменило этнический состав местного населения. Этим самым он подтверждает точку зрения, высказанную ранее в 1970 году, и формулирует общий вывод: "...поздnezарубинецкие древности и эволюционирующие из них древности третьей четверти I тысячелетия н.э. типа Тушемля – Банцеровщины – Колочина не обнаруживают преемственности с верхнеднепровскими, достоверно славянскими памятниками VIII–X вв. Отсюда следует, что поздnezарубинецкие древности Верхнего Поднепровья на основе археологии нужно считать дославянскими, а согласно материалам гидронимики – балтскими (Седов, 1979, с. 77).

В последующем В.В. Седов пересмотрел вопрос об этнической принадлежности тушемлинских племен и пришел к выводу: "...ничто не мешает признать носителей тушемлинско-банцеровской культуры одной из диалектно-племенных группировок раннесредневекового славянства (Седов, 1994, с. 61). Основным археологическим обоснованием этому, по его мнению, могут быть находки на памятниках тушемлинской культуры височных колец, о чем в его другой работе 1994 г. сказано: "...появление браслетообразных височных колец на поселениях и могильниках середины I тыс. н.э. в средней полосе Русской равнины следует рассматривать как явное свидетельство расселения славянского этноса" (Седов, 1994, с. 303). Затем в большой монографии "Славяне в раннем средневековье", опубликованной в 1995 г., В.В. Седов несколько иначе трактует вопрос об этнической принадлежности тушемлинской культуры в связи с находками браслетообразных височных колец: "Эти находки браслетообразных сомкнутых височных колец еще не могут быть основанием для славянской атрибуции тушемлинско-банцеровской культуры, но, очевидно, определяют присутствие в V–VII в. в среде днепровских балтов славянского этнического компонента". (Седов, 1995, с. 222).

При рассмотрении основной концепции и системы доказательств ее правомерности, изложенных В.В. Седовым в вышеуказанных работах последних лет, возникает ряд вопросов. Во-первых, не совсем ясно, для какой группы славян в первых веках н.э. были характерны браслетообразные сомкнутые височные кольца. Если

считать зарубинецкие и поздnezарубинецкие племена, то для них височные кольца не были характерными украшениями, а соответственно из области их расселения таковые распространиться не могли. То же самое можно сказать и о пшеворских племенах. Весьма показательным, что в середине и третьей четверти I тыс. н.э. височные кольца подобного типа не были характерными украшениями и для некоторых славянских племен, существовавших одновременно с тушемлинскими и обитавшими южнее и юго-западнее в Поднепровье, т.е. для корчакских и пеньковских. Если продвижение славянских племен в середине I тыс. н.э. произошло из бассейна Вислы, то конкретно какие их группы ушли оттуда, при этом столь многочисленные, что могли распространиться на огромных пространствах средней полосы Восточной Европы среди днепровских балтов и финно-угорских племен и они при этом сумели сохранить свою самобытность? В связи с этим В.В. Седов замечает, что определить регион, где проживали предки носителей височных колец, расселившихся на пространствах средней полосы Восточной Европы пока не удастся (Седов, 1995, с. 229).

Во-вторых, являлись ли височные кольца вообще и, в том числе, браслетообразные сомкнутые или с заходящими концами, в первой половине I тыс. н.э. украшениями только славян? Этот вопрос требует специального рассмотрения. Однако, современное состояние источников дает некоторое основание для его обсуждения. Обширные территории от юго-восточной части Литвы и до восточного края расселения днепровских племен в верховьях Днепра, т.е. пространства средней полосы Восточной Европы были заселены во второй четверти I тыс. н.э. балтскими племенами (культуры: ворточнолитовских курганов, банцеровская, тушемлинская). В западной части этого ареала, на юго-востоке Литвы височные кольца известны еще до эпохи великого переселения народов – с самого начала I тыс. н.э. Таковыми являются плоские височные кольца I–II вв. н.э., бывшие частью женского убора, который в целом характерен для балтских племен того времени (Lietuvių liaudies menas, 1958, с. 343, рис. 61–65). Кстати, такое же височное кольцо найдено и в восточной части этого ареала на городище Холмец в верховьях р. Десны в пределах расселения днепро-двинских племен (Третьяков, 1963, с. 132, рис. 69:1). Во II в. н.э. опять-таки в западной части ареала вошли в моду проволочные в 3–5 оборотов спиральные височные кольца (Lietuvių liaudies menas, 1958, с. 343, рис. 66, 67, 134, 135). В IV–V вв. н.э. в пределах всего вышеуказанного пространства были

распространены круглопроволочные браслетообразные сомкнутые височные кольца, включая юго-восточную Литву, где бытовали браслетообразные височные кольца разных типов (с заходящими концами, сомкнутые и иногда со спиральным завитком на одном конце) (Lietuvių liaudies menas, 1958, с. 349, рис. 251–254, 256, 257). Исследователи литовских древностей А.З. Тау-тавичюс, М.М. Михельбертас и другие считают, что “Височные кольца в Литве характерны для II–V в.в. н.э.”, где они являются обычными женскими украшениями головы наряду с головными венчиками и булавками. Представлены они тремя типами:

1. Круглопроволочные спиральные, датируются I–III в.в.;

2. Пластинчатые, бытовавшие преимущественно во II в. н.э.

3. Проволочные сомкнутые, иногда с заходящими концами или со спиральным завитком на одном из концов, использовавшиеся, главным образом, в IV–V в.в. (Lietuvos TSR archeologijos atlasas. IV, 1978, с. 144 карты 1 и 2). Не исключено, что в некоторых местах височные кольца третьего типа использовались как украшения и в VI в. н.э., например, находки на городище Аукштадварис (Lietuvių liaudies menas, 1958, с. 349). Таким образом, у части балтских племен, совершавших погребение умерших по обряду ингумации, на территории Литвы височные кольца были характерным элементом головного убора в течение более 500 лет с I по VI в.в. н.э. Заимствованы ли височные кольца в I в. н.э. у других племен или они самостоятельно возникли в местной среде как украшения головы – пока не установлено. С течением времени форма колец закономерно изменялась. Все это дает основание предполагать, что височные кольца в западной рассматриваемого нами ареала могли войти в состав головного убора самостоятельно в силу закономерного внутреннего развития системы украшения женского головного убора, но нельзя совершенно исключить появление их в местной среде в результате культурных связей и заимствований. Это совсем не означает расселения на этой территории в первых веках н.э. славянского населения. Вообще, возведение курганов с использованием каменных выкладок при обряде как ингумации, так и кремации умерших и некоторые элементы погребального инвентаря в них распространились в восточной части Литвы из более западных районов, заселенных в то время западнобалтскими племенами ятвягов (Тау-тавичюс, 1959, с. 135). С этим согласен и В.В. Седов, отмечая, что “Курганный обряд в Юго-Восточную Литву был привнесён, по всей веро-

ятности, из ятвяжского региона (Седов, 1994, с. 65–66). С нашей точки зрения, это и другие элементы культуры дают основание считать население, оставившее восточнолитовские курганы, балтами.

Исходя из вышерассмотренных работ В.В. Седова, опубликованных в последние годы, его точка зрения на этническую принадлежность населения тушемлинской культуры состоит в том, что в середине I тыс. н.э. произошло расселение славян в Смоленском Поднепровье и Подвинье и что славяне стали определенным этническим элементом среди местного балтского населения и определили характер всей культуры. При этом он полагает, что с расселением славян началась ассимиляция балтов славянами и процесс этот был длительным “и не всегда прямолинейным и завершился только в период древнерусской государственности” (Седов, 1994, с. 304).

И.П. Русанова, изучая славянские древности Верхнего Поднепровья, на основе анализа керамического материала середины и третьей четверти I тыс. н.э. и некоторых других данных в 1960-х г. пришла к выводу, что к северу от Припяти на Верхнем Днепре и Десне существовала группа родственных племен, имевшая свои особенности в материальной культуре, весьма отличные от культуры славянских корчакских племен и что все племена Верхнего Поднепровья в этот период принадлежали балтскому этническому массиву (Русанова, 1966, с. 186–189). Затем в большой сводной работе о славянских древностях VI–VII в.в. И.П. Русанова дает одновременно общую характеристику археологических культур этого времени для всего Верхнего Поднепровья и Подвинья. На основе детального анализа керамики, как основного и самого многочисленного археологического источника, она выделяет семь типов глиняных сосудов, характерных в комплексе только древностям тушемлинской культуры, тогда как отдельные сосуды могут иметь некоторые признаки, сопоставимые с таковыми из других культур. При этом отмечено, что в пределах всего Верхнего Поднепровья и на смежных территориях Подвинья “общность керамического материала по всей территории представляется несомненной” (Русанова И.П., 1978, с. 72). Сопоставляется керамика Верхнего Поднепровья по всем параметрам с синхронной керамикой типа Корчак и формулируется вывод, что одновременно существовали “две обособленные группы и два определенных ареала, внутри каждой из которых господствует посуда со своими характерными особенностями” (Русанова, 1978, с. 68), т.е. между славянской керамикой корчакского типа и верхнеднеп-

ровской керамикой нет ничего общего. Различие в культуре этих двух областей фиксируются и при рассмотрении характера поселений и типа жилищ и пр. (Русанова, 1978, с. 75 и сл.). “Различие этих культур подчеркивается еще их разным происхождением и совсем несхожей дальнейшей судьбой” (Там же, с. 84). Детальное изучение археологического материала, проделанное И.П. Русановой, показало, что нет достаточных оснований для разграничения на основе керамического материала и других признаков всей территории Верхнего Поднепровья на отдельные самостоятельные и весьма отличные друг от друга культуры (Тушемля, Банцеровщина, Колочин), что все они входят в один круг древностей, т.е. представляют одну культуру. Однако, “внутри этой культуры можно отметить лишь некоторые локальные особенности, связанные с традициями предшествующих балтских культур раннего железного века и прилою зарубинецкой культуры, с разными условиями жизни и социального развития ... На основе этих особенностей можно наметить три района – Подесенье, Смоленщину и Белоруссию. Но эти районы настолько близки между собой, и общие черты материальной культуры выступают в них настолько рельефно, что население их следует считать этнически родственными” (Там же, с. 81). Таким образом, в Верхнем Поднепровье в 3-й четверти I тыс. н.э. по мнению И.П. Русановой, существовала самобытная культура, имевшая свои археологические признаки: состав керамики, тип конструкций жилищ, особые детали погребального обряда и пр., относящиеся к балтским культурам и эта этническая принадлежность верхнеднепровских древностей бесспорна. Распространение славян в верховья Днепра приходится на последнюю четверть I тыс. н.э. и связывается с культурой длинных курганов (Русанова, 1978, с. 82–84).

И.И. Ляпушкин детально проанализировал древности Восточной Европы до образования Древнерусского государства лесостепной и лесной зоны. Он, в частности, считал, что “до VIII–IX в.в. вся область Верхнего Поднепровья и прилегающих к ней районов до верховьев Оки на востоке и до Немана на западе, от границы с лесостепью на юге и до бассейна Западной Двины на севере, была занята балтийскими племенами” (Ляпушкин, 1968, с. 89).

В.Б. Перхавко, изучавший древности типа Тушемля – Банцеровщина (Перхавко, 1978, 1979, 1992), считает, что территория Верхнего Поднепровья и Подвинья до VIII в. н.э. была заселена восточными или днепровскими балтами и предполагает, что только в начале или в пределах первой половины VIII в. н.э. произошло перемещение небольших западнославянских групп

населения из Великопольши и Малопольши через Мазовию в Верхнее Понеманье, Подвинье и Смоленское Поднепровье. Такой вывод обосновывается распространением в пределах расселения тушемлинско-банцеровских племен железных ножей с волнитообразными завершениями рукоятей, железных втульчатых двухшипных наконечников стрел, железных шпор с зацепами во внутрь, славянской керамики, и пр. Появление этих элементов в материальной культуре, по его мнению, не могло произойти “только в результате военных походов и торгового обмена”, а связано с переселением носителей новой культуры, т.е. с первой волной расселения славян на землях восточных балтов (Перхавко, 1992, с. 86–88).

В северной части Белоруссии, преимущественно в бассейне Зап. Двины, древности I тыс. н.э. и соответственно вопросы этногенеза местных племен изучает В.И. Шадыро (Шадыро, 1992, 1993, 1996, 1996-а, 1997, 1999). Он считает, что в пределах Белорусского Подвинья и Верхнего Поднепровья, в границах распространения днепро-двинских племен, до середины I тыс. н.э. обитали восточные балты, численность которых составляла приблизительно 15–20 тысяч человек (Шадыро, 1996, с. 76; 1996А, с. 81). Если в Полоцком Подвинье до IV в. н.э. особых этнокультурных изменений не прослеживается, то в Витебском Подвинье и Оршанском Поднепровье засвидетельствовано распространение постзарубинецких элементов культуры: лощение керамики, украшение ее расчесами. Проникновение этих элементов происходило через Посожье и Смоленское Поднепровье и далее “в Днепро-Двинско – Ловатский коридор”, что повело к формированию памятников типа Заозерье, что было как бы в III–IV в.в. н.э. I-ым этапом формирования культуры типа Банцеровщина-Тушемля. Выделение вариантов этой культуры связано с различиями в субстратных древностях и “с разным уровнем воздействия постзарубинецкого компонента” (Шадыро, 1996, с. 76–77). По его мнению, с V–VI в. н.э. территорию Белоруссии с юга и запада начинают заселять носители с славянскими этноопределяющими признаками “в керамическом производстве, домостроительстве, в материальной и духовной культуре”. Синтез балтской подосновы с позднзарубинецкими и с новыми славянскими элементами создали новую культуру тушемлинского типа. Развитие этнокультурных процессов в V–VIII в.в. привело к замене культуры, но не этноса. Славянизация населения на этом этапе, по его мнению, не произошло. До IX в. н.э., днепро-двинская общность оставалась в своей основе балтской

(Шадыро, 1996а, с. 81–82). Эти же положения с некоторой детализацией изложены им и в последующих работах (Шадыро, 1997, 1999). Некоторые положения, высказанные В.И. Шадыро, требуют уточнения. Так, например, распространение в Смоленском Поднепровье лощения керамики произошло не в постзарубинецкое время, а на рубеже эр и зафиксировано на городищах, содержащих типа среднего слоя городища Тушемля. О наличии некоторых изменений в домостроительство указано для поселений банцеровской культуры, но для поселений тушемлинской культуры этого пока не отмечено.

А.М. Медведев, рассматривая историю Белоруссии в железном веке, отмечает, что формирование тушемлинской культуры происходило на основе днепродвинской культуры предшествующего времени и после ее сложения на протяжении третьей четверти I тысячелетия н.э. ее балтская принадлежность не вызывает сомнений (Медведев, 1994, с. 33–37). Расселение славян в Северной Белоруссии, по его мнению, произошло не ранее IX в. н.э. Эти же положения он отстаивает и в последующей работе (Медведев А.М., 1996, с. 57–59).

Фурасьев А.Г. в результате анализа имеющихся материалов культуры Тушемля-Банцеровщина и псковских длинных курганов приходит к выводу: “Скорее всего, культуры псковских длинных курганов и Тушемля-Банцеровщины представляют собой единый круг древностей, возникших в результате единых культурных процессов, происходивших в среде балтских племен в середине I тыс. н.э.” (Фурасьев, 1992, с. 106–107).

Г.В. Штыхов, изучавший в течение многих лет древности полоцких кривичей, считает, что славяне имеют отношение к банцеровско-тушемлинской культуре. В подтверждение этого он приводит 8 факторов, часть из них имеет спорное обоснование, а часть не имеет отношения к проблеме этнической интерпретации древностей V–VII в.в. н.э. (фактор 7). Его общие выводы: в V–VII в.в. на территории Белоруссии имел место балто-славянский симбиоз, археологическая культура была полиэтничной и происходили ассимиляционные процессы (Штыхов, 1992, с. 106–107). Г.В. Штыхов смещает процесс ассимиляции балтов славянами на период середины и третьей четверти I тыс. н.э., но достаточного обоснования этому археологическими материалами не приводит. Опубликованные им материалы из полоцких длинных курганов последней четверти I тыс. н.э. противоречат этому и свидетельствуют о балтских элементах в их материальной культуре, см. Вышадки, Борки, Баскатого и даже

Глинице (Штыхов, 1992А, с. 21–40). Исчезновение балтских элементов на этой территории происходит только в самом конце I тыс. н.э., т.е. процесс ассимиляции балтов связан с периодом древнерусского государства.

В целях решения вопроса о разграничения древностей IV–VII в.в. Верхнего Поднепровья на отдельные самостоятельные культуры Н.В. Лопатин провел систематизацию и анализ керамического материала. Изучение некоторых особенностей технологии производства керамики на вышеуказанных памятниках (Колочин, Тушемля, Демидовка) привел его к выводу о сходстве по ряду признаков Колочина и Демидовки, но между ними есть и отличие: на Колочине не использовались лощение сосудов. Ряд признаков сближает Демидовку и Тушемлю, но в целом “... керамический комплекс Демидовки занимает промежуточное положение между комплексами Колочина и Тушемля, но его связи с колочинским гораздо более существенны”. (Лопатин, 1987, с. 89–90). Среди керамических сосудов Н.В. Лопатин выделил 5 самостоятельных видов и один переходный вид (3–4)б из которых 4 вида характерны для Колочина, все 6 видов – для Демидовки и 3 вида – для Тушемля. Указывается по этим признакам на значительное сходство керамики Демидовки и Тушемля, но, с нашей точки зрения, необходимо указать и на отличие. На Колочине отсутствуют 4 и 5 виды, что сближает Демидовку и Тушемлю. Отсутствие на Тушемле 1, 2 и 3-го видов даёт основание Н.В. Лопатину предполагать наличие “двух разных традиций” и считать их носителей разноэтничными, присоединяясь к мнению П.Н. Третьякова о разделении этих памятников на славянские – Демидовка, и балтские – Тушемля (Лопатин, 1989, с. 13–14). Есть основание считать оба памятника балтскими, а некоторое различие в составе керамического комплекса все-таки объясняется одновременностью их гибели в пожарах, хотя с этим Н.В. Лопатин не согласен. Однако, если даже поставить под сомнение дату по радиоуглеродному анализу (960±150), то вещевой материал, без сомнения, выходит за рамки VII в. Серп, найденный на Тушемле, имеет сильно изогнутый клинок, что отличает его от серпов типа ИД, бытовавших в IV–VII в.в., и вообще на изученных памятниках тушемлинской культуры в пределах Смоленского Поднепровья и Подвинья пока серпы этого типа не засвидетельствованы, а широко встречаются серпы типа П (по Миносян Р.С. 1978, с. 76–80). Находка жернова на Тушемле также подтверждает самый поздний период существования тушемлинской культуры, так как на Демидовке, Близняках и других поселениях использовались только простые зернотерки.

Э.А. Сымонович исследовал городище Колочин I на Днепре в южной части Белоруссии, где получил значительные материалы к характеристике племен в VI–VII в.в. н.э. В публикации результатов раскопок городища Колочин I этническая принадлежность этого памятника не определяется, хотя указывается на отсутствие преемственности между древностями VI–VII в.в. и славянскими – роменско-боршевскими и высказывается сомнение, что этот памятник относится к древностям антов (Сымонович, 1963, с. 135 и сл.). В последующих работах он выдвигает положение, что памятники типа Колочин – Банцеровщина – Акатово “... не могут быть включены в пределы балтской общности”, а исходя из аналогий отдельных сосудов с керамикой типа Корчак и материалами из других культур юга Европейской части СССР их также следует считать славянскими (Сымонович, 1966, с. 42 и сл.; 1972, с. 95). Использованный Э.А. Сымоновичем иллюстративный метод сопоставления одиночных форм сосудов, а не всего керамического комплекса, не дал его выводам необходимого обоснования. Полный анализ керамических комплексов типа Тушемля-Банцеровщина-Колочин и типа Кочак и их сопоставление были проделаны И.П. Русановой и ею показана несостоятельность выводов Э.А. Сымоновича (Русанова, 1976, с. 62–63).

Л.Д. Поболь изучал древности I тыс. н.э. в Верхнем Поднепровье на территории Белоруссии. Он считает зарубинецкие племена славянами, а расселение их на всей территории Верхнего Поднепровья, включая район юго-западной Смоленщины вплоть до г. Смоленска, относит к I–II в. н.э. (Поболь, 1973, с. 5, 8, 18, рис. 1). Во II–V в. эти пространства рассматриваются как область расселения только славянских позднезарубинецких племен, при этом их территория еще более расширяется к северу (Поболь, 1969, с. 105; 1970, с. 168–170). Эти выводы противоречат фактическому материалу, так как ссылка на отдельные находки фрагментов профилированной керамики на городищах в верховьях Днепра не может быть убедительным аргументом славяноязычности днепродвинских племен в I–II в.в. н.э. поскольку на этих пространствах преемственно сохраняются места поселений – городища с прежней конструкцией наземных жилищ и овальных очагов, с старым комплексом вещей, включающих грузики “дыжкова” типа и пр., и одновременно, видимо, сохраняется старая традиция в погребальном обряде, поскольку не появились могильники, характерные для зарубинецких племен. Культура тушемлинских племен формируется на

основе местных днепродвинских племен в III–IV в.в. н.э.

В связи с изучением киевской культуры в Среднем Поднепровье и введением в научный оборот полученных материалов III–V в.в. н.э. высказано предположение о ее славянской принадлежности, а соответственно формирование культуры типа Колочин определяется как результат дальнейшего развития киевской культуры (Терпиловский, Абашина, 1992, с. 90–97). Р.В. Терпиловский расширяет область распространения киевской культуры на верховья Днепра и Подвинья, обосновывая это находками на поселениях в этих фрагментах сосудов с расчесами гребнем. Он утверждает: “Памятники Верхнего Поднепровья и Подвинья представляли собой северную периферию киевской культуры, контактную зону с культурами восточных балтов.” (Терпиловский, 1991, с. 36–38). Фактически он считает тушемлинскую культуру начиная с IV в. славянской, а данное им определение Верхнего Поднепровья и Подвинья контактной зоной с восточными балтами не имеет смысла, так как за пределами этой зоны на юге, западе и севере в I тыс. н.э. восточных или днепровских балтов не было.

Предположение о славянской принадлежности племен киевской культуры и о переселении их в верховья Днепра, в Подвинья и даже на р. Ловать разделяется и другими археологами (Лопатин, Фурасьев, 1995, с. 137–138). Существует также мнение, что расселение славянских племен в верховьях Днепра происходило позже, т.е. племенами колочинской культуры в V–VII в. – наследниками киевской культуры (Колосовский, 1997, с. 37–39).

Автор настоящей статьи в течение ряда лет проводил изучение памятников тушемлинской культуры в Смоленском Поднепровье и Подвинья. Полученные материалы дали некоторое основание к решению вопроса об их этнической принадлежности. Это определялось уже, в первую очередь, формированием тушемлинской культуры в III–IV в.в., что происходило на основе древностей днепродвинской культуры в последний период ее существования в процессе перемещения населения с укрепленных поселений – городищ на неукрепленные поселения – селища. Этот переход связан как с изменением природных условий, так и с общим уровнем экономического развития и изменениями общественно-социальных отношений. Доказательством этому были материалы из раскопанных поселений: Микулино, Заозерье, Куприно, Яново и др., на которых древнейший комплекс керамики III–IV в.в. был одинаков с таковым из днепродвинских

городищ I–III в.в. Это еще подтверждается находками одинаковых типов серпов, ножей и других металлических изделий, а также находками глиняных грузиков “дякова типа” (Шмидт, 1999, с. 37–46). В процессе формирования тушемлинской культуры в ее состав были включены некоторые элементы от племен, расселявшихся южнее в Поднепровье, не исключено проникновение небольших групп населения с окраинных территорий племен штрихованной керамики, принесших прием прочерчивания поверхности сосудов, гребнем. Однако, это не привело к изменению этноса. В период существования тушемлинских племен в V–VII в.в. сохранились основные элементы местной культуры, балтская принадлежность которых очевидна (Шмидт, 1996, с. 33–37), хотя и происходило включение новых элементов, что связано было с переселением народов и перемещением балтских племен внутри своего ареала. В частности, перемещение ятвяжских племен в пределы Восточной Литвы, а затем отсюда в V в. далее по северной территории восточных балтов через

Подвинье в Смоленское Поднепровье, т.е. в пределы тушемлинской культуры. С этим перемещением племен, видимо, связано распространение височных колец, браслетов с расширенными концами, шпор и пр.

Таким образом в вопросе об этнической принадлежности тушемлинской культуры существуют три разных точки зрения: 1. Эта культура с момента ее формирования в III–IV в.в. была славянской (Э.А. Сымонович, Л.Д. Поболь, Р.В. Терпиловский). 2. Культура включает балтские и славянские элементы, в которой происходит процесс ассимиляции балтов славянами (В.В. Седов, Г.В. Штыхов, В.И. Шадыро). 3. Культура в период всего своего существования была балтской (А.Г. Митрофанов, И.П. Русанова, И.И. Ляпушкин, А.М. Медведев, Е.А. Шмидт) и есть достаточно основания считать, что смена этноса в Верхнем Поднепровье и Подвинье произошла после рубежа VII и VIII в.в. в результате расселения славян на этой территории и постепенной ассимиляции ими восточных (днепровских) балтов.

ЛИТЕРАТУРА

Колосовский Ю.В., 1977 – Новые данные о раннеславянском поселении у д. Вежки в Оршанском Поднепровье // *Гісторыя Беларусі. Жалезны век і сярэднявечча*. Мінск, 1977. С. 37–39.

Лопатин Н.В., 1987 – К соотношению керамики верхних слоев Тушемли, Демидовки и Колочина (опыт привлечения некоторых данных о технологии) // *Социально-экономическое развитие древних обществ и археология*. М., 1987. С. 85–91.

Лопатин Н.В., 1989 – Тушемя, Демидовка, Колочин: о соотношении керамики верхних слоев // *Краткие сообщения Института археологии АН СССР*, в. 195, М., 1989. С. 9–15.

Лопатин Н.В., 1995 – Фурасев А.Г. О роли памятников III–IV в.в. н.э. в формировании культур псковских длинных курганов и Тушемли-Банцеровщины // *Петербургской археологической вестник*, 9. Санкт-Петербург, 1995. С. 136–142.

Ляпушкин И.И., 1968 – Славяне Восточной Европы накануне образования Древнерусского государства. Л., 1968.

Мядзведзеў А., 1994 – Насельніцтва Беларусі ў жалезным веку (VIII ст. до н.э. – VIII ст. н.э.) // *Беларускі Гістарычны Агляд*, т. 1. Мінск, 1994. С. 15–37.

Медведев А.М., 1968 – О времени прихода славян на территорию Беларуси (характеристика источников) // *Тэзісы дакладаў і паведамленняў беларускай дэлегацыі на VI Міжнародным конгрэсе славянскай археалогіі*. Мінск, 1996. С. 57–59.

Миносян Р.С., 1978 – Классификация серпов

Восточной Европы железного века и средневековья // *Археологический сборник ГЭ*, 19. Л., 1978. С. 74–85.

Митрофанов А.Г., 1966 – Новые данные о памятниках VI–VIII в.в. средней и северной Беларуси // *Древности Белоруссии*. Минск, 1966. С. 218–235.

Митрофанов А.Г., 1972 – О происхождении культуры типа верхнего слоя Банцеровщины (V–VIII в.в.) // *Беларускія старажытнасці* Мінск, 1972. С. 150–163.

Митрофанов А.Г., 1978 – Железный век средней Беларуси (VII–VI в.в. до н.э. – VIII в. н.э.). Минск, 1978.

Очерки по археологии Белоруссии, ч. 1. Минск, 1970.

Перхавко В.Б., 1978 – Появление и распространение шпор на территории Восточной Европы // *Советская археология*, 1978., 3. С. 113–126.

Перхавко В.Б., 1979 – Классификация орудий труда и предметов вооружения из средневековых памятников междуречья Днепра и Немана // *Советская археология*, 1979, С. 40–55.

Перхавко В.Б., 1992 – Один из компонентов материальной культуры раннесредневекового населения Беларуси // *Насельніцтва Беларусі і сумежных тэрыторый ў эпоху жалеза*. Менск, 1992. С. 86–88.

Поболь Л.Д., 1969 – Итоги изучения древностей железного века Белорусского Поднепровья // *Древности Белоруссии*. Минск, 1969. С. 89–117.

Поболь Л.Д., 1970 – Памятники Южной Белоруссии // *Очерки по археологии Белоруссии*, ч. 1. Минск, 1970. С. 138–150.

Поболь Л.Д., 1973 – Славянские древности Белоруссии. Минск, 1973.

Русанова И.П., 1966 – Славянские памятники второй половины I тыс. н.э. на северо-западе Украины и юге Белоруссии // *Древности Белоруссии*, Минск, 1966. С. 193–192.

Русанова И.П., 1976 – Славянские древности VI–VII в.в. М., 1976.

Седов В.В., 1970 – Славяне Верхнего Поднепровья и Подвинья. М., 1970.

Седов В.В., 1979 – Происхождение и ранняя история славян. М., 1979.

Седов В.В., 1994 – Из этнической истории населения средней полосы Восточной Европы во второй половине I тысячелетия н.э. // *Российская археология*, 1994, 2. С. 56–69.

Седов В.В., 1994А – Славяне в древности. М., 1994А.

Седов В.В., 1995 – Славяне в раннем средневековье. М., 1995.

Седов В.В., 1998 – Белорусское Подвинье и Смоленское Поднепровье в период переселения народов // *Российская археология*, 1998, 2. С. 54–67.

Сымонович Э.А., 1963 – Городище Колочин I на Гомельщине // *Славяне накануне образования Киевской Руси*. М., 1963. С. 97–137.

Сымонович Э.А., 1966 – О связях лесных и лесостепных раннесредневековых культур Поднепровья // *Советская археология*, 1966, 3. С. 38–51.

Сымонович Э.А., 1972 – Опыт сопоставления керамики Белоруссии и балтийских племен I тыс. н.э. // *Беларускія старажытнасці*. Минск, 1972. С. 94–96.

Таутовичюс А.З., 1959 – Восточнолитовские курганы // *Вопросы этнической истории народов Прибалтики*. М., 1959. С. 128–153.

Таутовичюс А.З., 1980 – Балтские племена на территории Литвы в I тыс. н.э. // *Из древнейшей истории балтских народов (По данным археологии и антропологии)*. Рига, 1980. С. 80–88.

Терпиловский Р.В., 1991 – Киевская культура и близкие ей памятники римского времени // *Гомельщина: археология, история, памятники*. Гомель, 1991. С. 36–38.

Терпиловский Р.В. Абашина Н.С., 1992 – Памятники киевской культуры (свод археологических источников). Киев, 1992.

Третьяков П.Н., 1958 – Городища-святилища левобережной Смоленщины // *Советская археология*, 1958, 4. С. 170–186.

Третьяков П.Н., 1963 – Древние городища Смо-

ленщины // Третьяков П.Н., Шмидт Е.А. Древние городища Смоленщины. М.,-Л., 1963. С. 3–140.

Третьяков П.Н., 1963А – Финно-угры, балты и славяне в области верхнего течения Днепра и Волги юю История, фольклор, искусство славянских народов. – Доклады советской делегации. V Международный съезд славистов. М., 1963А. С. 3–33.

Третьяков П.Н., 1966 – Финно-угры, балты и славяне на Днепре и Волге. М.-Л., 1966.

Третьяков П.Н., 1970 – У истоков древнерусской народности. Л., 1970.

Третьяков П.Н., 1982 – По следам древних славянских племен. Л., 1982.

Фурасев А.Г., 1992 – Современное состояние проблемы соотношения древностей типа Тушемя-Банцеровщина и псковских длинных курганов // *Насельніцтва Беларусі і сумежных тэрыторый у эпоху жалеза*. Менск, 1992. С. 104–108.

Шадыро В.И., 1992 – К истории населения северной Беларуси в I тыс. н.э. // *Насельніцтва Беларусі і сумежных тэрыторый у эпоху жалеза*. Менск, 1992. С. 107–109.

Шадыро В.И., 1966 – Этнокультурные и социальные процессы на севере Белоруссии в раннем средневековье // *Тэзісы дакладаў і паведамленняў беларускай дэлегацыі на VI Міжнародным кангрэсе славянскай археалогіі*. Мінск, 1996. С. 76–78.

Шадыра В.И., 1996А – Днепро-Дзвінская супольнасць у I тыс. н.э. (соцыяльны аспект і этнакультурныя працэсы) // *Беларусь у сістэме трансэўрапейскіх сувязяў у I тысячагоддзі н.э.* Мінск, 1996А. С. 80–82.

Шадыра В.И., 1997 – Вялікае перасяленне народу і пачатак фарміравання беларускага народа // *Гісторыя Беларусі. Жалезны век і сярэднявечча*. Мінск, 1997. С. 69–71.

Шадыра В.И., 1999 – Банцараўская культура // *Археалогія Беларусі*, т. 2. Жалезны век і ранняя сярэднявечча. Мінск, 1999. С. 359–375.

Шмидт Е.А., 1996 – Об этнической принадлежности племен тушемлинской культуры IV–VII в.в. в верховьях Днепра // *Гістарычна-археалагічны зборнік*, № 10. Мінск, 1996. С. 33–37.

Шмидт Е.А., 1999 – Племена верховьев Днепра во второй четверти I тыс. н.э. // *История Беларускага Падняпроўя*. Магілеў, 1999. С. 37–46.

Штыхов Г.В., 1992 – Об этнической интерпретации банцеровской культуры // *Насельніцтва Беларусі і сумежных тэрыторый у эпоху жалеза*. Менск, 1992. С. 116–117.

Штыхаў Г.В., 1992А – Крывічы. Мінск, 1992А.

APIE IV–VII A. TUŠEMLIOS KULTŪRĄ DNEPRO IR DVINOS AUKŠTUPIUOSE

(etninės priklausomybės požiūriu)

Eugenijus Šmidtas

Santrauka

Specialūs Tušemlios etninės kultūros tyrimai buvo atlikti 6-ajame dešimtmetyje P.N. Tretjakovo, o kiek vėliau – E.A. Šmidto. Sudėtingiausia Tušemlios kultūros tyrimų problema buvo jos etninės priklausomybės nustatymas. P.N. Tretjakovas iš pradžių manė, kad ši kultūra priklauso rytų baltams, tačiau 7-ajame dešimtmetyje jis padarė prielaidą, kad ji atspindi baltų ir slavų bruožus; joje vyko baltų asimiliacijos procesas, kuris baigėsi susiformavus senovės Rusijos valstybei. V.V. Sedovas savo paskutiniuose darbuose išreiškė tokią pat nuomonę. V.I. Shadiras, G.V. Štychovas ir kiti taipogi buvo tos pačios nuomonės. Jų pateikti argumentai yra ginčytini. Pavyzdžiui, kai kurių naujų indų formų ir tam tikrų kategorijų daiktų paplitimas Tušemlios gyvenvietėse nėra susijęs su slavų gyvenvietėmis, bet yra evoliucinių vietinių formų vystymosi ar kontaktų su kitomis gentimis rezultatas.

Kitos koncepcijos šalininkai manė Tušemlios kultūrą esant slavišką, plėtodami prielaidą, kad slavų gentys čia apsigyveno pirmaisiais amžiais po Kr. (D. Pobolas) arba apie pirmojo tūkstantmečio vidurį (E.A. Simonovičius, R.V. Terpilovskis). Anot jų, Zarubineco, Kijevo ir Ko-

lochino gentys buvo slavų gentys, ir jos apibrėžė etninę Tušemlios kultūros priklausomybę. Tačiau, pirma, šių genčių slaviškoji kilmė nebuvo įrodyta. Antra, didelių gyventojų masių apsigyvenimas Dnepro ir Dauguvos aukštupiuose nebuvo patvirtintas. Jeigu mažos grupelės prasiskverbė į šią teritoriją iš kitur, jos asimiliuodavosi ir nedarydavo pastebimos įtakos vietos kultūrai, ir etnoso pakitimų dėl to nebūta.

Tušemlios kultūros priklausymo baltams šalininkai (I.P. Rusanova, A.G. Mitrofanovas, A.M. Medvedevas, E.A. Šmidtas ir kt.) mano, kad ši kultūra susiformavo iš buvusių baltų kultūrų ankstyvajame geležies amžiuje (III–IV a. po Kr.) ir išsaugojo savo originalumą iki VII a. pabaigos. Tai patvirtinama keramikos komplektais ir kita medžiaga. Nauji šios kultūros elementai atsirado jos vidinio evoliucinio vystymosi metu ir iš dalies dėl kai kurių gyventojų grupių klajojimo baltų gyvenamajame regione, taip pat kultūrinių santykių su kitomis gentimis ir skolinių iš jų. Etnoso pasikeitimai įvyko ir Tušemlios kultūros dingio VII ir VIII amžių sandūroje, kai slavai apsigyveno Dnepro aukštupyje ir palei Dauguvą, o baltai buvo jų asimiliuoti.

Vertė Vytautas Kazakevičius

ABOUT THE 4th–7th CC. THE CULTURE OF TUSHEMLYA IN THE UPPER DNEIPEP AND DAUGAVA (in respect of ethnic belonging)

Eugenij Shmidt

Summary

The special study of Tushemlya culture was carried out in 1950-ies by P.N. Tretyakov and later on – by E.A. Shmidt. The most complicated problem in the study of Tushemlya culture was to determine its ethnic belonging. P.N. Tretyakov originally considered that the culture belonged to the eastern Balts, but in 1960-ies he suggested that it reflected a mixed population consisting of Balts and Slavs; the process of assimilation of Balts had been taking place in it, which was completed during the formation of the Old Russian state. V.V. Sedov adhered to the same opinion in his last works. V.I. Shadiro, G.V. Shtihov and others were of the same opinion. The arguments, given by them are disputable. For instance, spreading of some new forms of vessels and specific categories of things in Tushemlya settlements is not connected with the settlements of Slavs, but they appear either as a result of evolutionary development of local forms or contacts with other tribes.

The adherents of the different conception regarded Tushemlya culture as Slavonic and proceeded from the supposition that the settlements of Slavonic tribes took place either in the first centuries, A.D. L.D. Pobol/ or about the middle of the first millenium, A.D./ E.A. Simonovich, R.V. Terpilovskiy/. According to them zarubinets, kiev and kolochin tribes were Slovonian and

they determined the ethnic belonging of Tushemlya culture. But, in the first place the Slavonic origin of the tribes hasn't been proved. In the second place, the settlement of large masses of population in the upper Dnieper and the Western Dvina hasn't been confirmed. If small groups did penetrate those territories from outside they were assimilated and they didn't influence noticeably the local culture and the change of ethnos didn't take place.

The adherents of Balt attribution of Tushemlya culture /I.P. Rusanova, A.G. Mitrofanov, A.M. Medvedev, E.A. Shmidt and others/ think that the formation of that culture resulted from the former Balt cultures of the early Iron Age in the IIIrd–IVth cc, A.D. and it preserved its originality to the end of the VII th c. A.D. It is confirmed by the complex of ceramics and other materials. The new elements in that culture occurred through its internal evolutionary development and partly through shifting of some groups of the related population within the bounds of the Balt area and due to cultural relations and borrowings of other tribes. The change of ethnos and disappearance of Tushemlya culture took place after the turning point of the VII th and the VIII th cc, AD as a result of the settlement of Slavs in the upper Dnieper and along the Dvina and assimilation of Balts by them.

Translated by V. Ivanova

Проф. др. Евгений Альфредович Шмидт
Смоленский гос. педагогический университет,
Исторический ф-тет,
Пржевальского 4, 214000–Смоленск. Тел. 2 23 31 57.